
Екатерина Евтухова

С.Н. Булгаков

Письма к Г.В. Флоровскому (1923–1938)*

ПРИЛОЖЕНИЕ:

*Г. Флоровский, С. Четвериков. Особое мнение по делу
прот. С. Булгакова (1937)*

Декан Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже и автор теологической системы, которую часто называют «монументальной», отец Сергей Булгаков несомненно был одной из доминантных фигур русского зарубежья 1920-х и 1930-х годов. Кроме того, в качестве наставника, друга и коллеги, он был среди тех, кто оказал важное интеллектуальное и духовное влияние на Георгия Флоровского, последнему было 33 года, когда он прибыл в Институт для преподавания в 1926 году (Булгаков был на двадцать лет его старше). Как известно, две главные работы Флоровского — двухтомное сочинение об отцах церкви и «Пути русского богословия», написанные в годы его пребывания в Институте, были, по словам Иоанна Мейендорфа,

* Предисловие к публикации — заново просмотренная и исправленная автором для настоящего издания статья: *Catherine Evtuhov. The correspondence of Bulgakov and Florovsky: chronicle of friendship // Wiener Slawistischer Almanach. Band 38. München, 1996. Авторизованный перевод А. Резниченко.*

восприняты как реакция или даже полемика против булгаковской доктрины Софии Премудрости Божией, или софиологии¹.

В разрозненном, но полном интеллектуального напряжения мире Русского зарубежья личные отношения, такие как между Булгаковым и Флоровским, играли решающую роль в возникновении и формулировании новых идей, мировоззрений и подходов к истории. Однако природа дружбы Булгакова и Флоровского — взаимоотношений, имевших первостепенное значение для понимания нами мира русских идей, культуры и религии в двадцатом столетии, — остается загадочной. К примеру, увлеченность Флоровского евразийским движением и последующий отход от него или его хорошо документированный спор с Николаем Бердяевым — достаточно полно отражены в опубликованной полемике. В отличие от этого, личный и интеллектуальный спор между Булгаковым и Флоровским, несмотря, или, возможно, в силу его глубины и центрального значения для обоих участников, оставил абсурдно скудные печатные следы как в работах обоих авторов, так и в эмигрантской полемической печати.

Более того, внимание исследователей к этим отношениям сосредоточивалось исключительно на сенсационном софиологическом споре, развернувшемся в 1935 году, когда Сергей Булгаков был обвинен в ереси одновременно Московской Патриархией и Карловацким Синодом, и Флоровский, помимо своей воли, был призван работать в комиссии, в конце концов оправдавшей Булгакова². Па-

¹ См.: *Иоанн Мейендорф*. Предисловие // *Прот. Г. Флоровский*. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. Репринт парижского издания 1937 г.

² Краткое изложение подробностей см.: *Andrew Blane*. A Sketch of Life of Georges Florovsky // *A. Blane*, ed. *Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman*. Crestwood, NY, St. Vladimir's Seminary Press. P. 65–68. (Русский перевод: *Э. Блейн*. Жизнеописание отца Георгия

радоксальным образом, наиболее выдающиеся студенты Академии св. Сергия, в первую очередь Иоанн Мейендорф и Александр Шмеман, были склонны значительно упрощать интеллектуальные разногласия между Булгаковым и Флоровским, сводя их к абсолютной поляризации — возможно, в силу того, что они были свидетелями раздраженной и часто несправедливой полемики вокруг софиологии³. Вслед за ними общепринятая точка зрения сваливает Булгакова, вместе с Соловьевым и Флоренским, в один «лагерь», как «софиологов», в противопоставление Флоровскому — историку и сыну Церкви. Не так давно Эндрю Блейн нарисовал более нюансированную картину дружеских отношений Флоровского с Булгаковым, показав их сложную и болезненную природу, что позволяет скорректировать такое чрезмерно поляризованное воззрение. Если в публичной полемике и для постороннего взгляда Булгаков и Флоровский выступали как «враги», замечания более близких к ним лиц свидетельствуют о глубине их взаимоотношений⁴.

То, что Булгаков и Флоровский расходились во мнениях относительно Софии и что это расхождение было серьезным, не подлежит сомнению, однако природа их отношений вряд ли исчерпывалась этим единственным фактом. За спором о Софии стояло взаимовлияние двух мирозерцаний, двух подходов к истории, философии и религии, взаимодействие которых было тем материалом, из которого создается ткань интеллектуальной истории — сочетание влияния, усвоения, отторжения и преемственности. Остается непроясненным существо вопроса: если они не были только врагами по вопросу о Софии, кем же были они? Каково в действительности было соотношение их интеллек-

/ Пер. Дм. Ханова // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Под ред. Ю.П. Сенокосова. М., 1995. — *Примеч. перев.*)

³ О шмемановской версии этой «полярной оппозиции» см.: *Blane*, 63.

⁴ Там же.

туальных позиций — до какой степени Флоровский разделял или наследовал положения, которые были исходными для Булгакова? Насколько полным было неприятие им булгаковской философии?

Отсутствие публичной полемики в отношениях между Булгаковым и Флоровским увеличивает значение их частной переписки. Архив о. Флоровского в Принстонском университете, недавно систематизированный, содержит семнадцать писем Булгакова. Я хотела бы представить здесь эти письма, которые, конечно, не содержат исчерпывающего ответа на вопрос об интеллектуальной преемственности и отрицании, однако могут заключать в себе некоторые ценные свидетельства и указывать направления, по которым можно будет продолжить исследование этой главы в истории русской мысли двадцатого века.

Переписка между Булгаковым и Флоровским началась еще в то время, когда оба жили в Праге, в 1923 году; она стала более интенсивной, когда Булгаков переехал в Париж и когда оба предприняли значительные усилия к тому, чтобы Флоровский стал преподавателем недавно основанного Свято-Сергиевского богословского института; письменная связь была возобновлена, хотя в намного более краткой манере, в середине 1930-х, поскольку оба принимали активное участие в экуменическом движении и встречах с представителями англиканской церкви. Булгаковские письма помогают уточнить три важных аспекта их отношений. Во-первых, естественно, они передают чувство тона личной человеческой дружбы двух людей. Они также проясняют философские проблемы, которые разделяли и объединяли Булгакова и Флоровского. Наконец, менее отчетливо переписка дает нам представление о наиболее земном, материальном основании окружающей обстановки жизни в эмиграции — не менее важном контексте для эволюции их идей.

Отношения между Булгаковым и Флоровским были скорее отношениями учителя и ученика, нежели двух равных партнеров. Булгаков, как указывает Мейендорф, был «стар-

шим (и уважаемым) коллегой»⁵ Флоровского. Письма Булгакова проливают некоторый свет на происхождение этих специфических отношений и указывают, что это чувство неравенства было значимо для их дружбы и имело под собой основанием нечто большее, чем простая разница в возрасте.

Тон дружеских отношений Булгакова и Флоровского определился относительно рано, в 1924–1925 годах, и прозвучал в ответ на конкретную кризисную ситуацию. Летом 1924 года Флоровский решил оставить кружок, основанный Булгаковым в 1919 году, и возглавлявшийся им в Праге и в Париже, известный как «Братство святой Софии»⁶.

⁵ *Мейендорф*. Предисловие. С. VII.

⁶ Братство св. Софии было впервые основано А. Карташевым в 1918 г. в Петербурге, в петербургский период в него входили профессора И. Гревс, В. Тураев, Л. Карсавин, Н. Лосский, В. Новицкий, С. Безобразов и др. На территории России Братство просуществовало до 1922 г., когда часть его деятелей погибла, а другая часть была выслана за границу, где образовалась уже новая, эмигрантская его «версия». (Об этом см., напр.: *Н. Зернов*. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С. 221 и сл. История возрождения этой организации достаточно хорошо прослежена в следующих работах: *М.А. Колеров*. Братство Св. Софии: «веховцы» и «евразийцы» (1921–1925) // Вопросы философии. № 10. 1994. *Он же*. Новые материалы к истории Братства Св. Софии // Вопросы философии. 1996. № 4; Братство Св. Софии: документы // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. Согласно «Проекту временного устава братства св. Софии», организация «ставит своей задачей объединение церковных православных людей (...) в их стремлении к глубине и полноте их церковной жизни (...) Главный предмет вдохновений братства состоит в теократическом идеале Церкви, в творческом пресображении, вместе с Церковью, через Церковь и в Церкви, всей исторической жизнедеятельности христианского человечества и всей культуры. (...) Возникая в минуту временного торжества начал зла и разрушения России через соблазн лживого призрака социального рая (...), братство св. Софии борется с этим злом противопоставлением ему факта Церкви как единственного источника (...) устройства ко благу всех. Переживаемая минута выдвигает перед братством и другими апологетическую задачу: при-

Булгаков воспринял это очень болезненно; дружба казалась на грани разрыва. То обвиняя, то улещивая, Булгаков убеждал Флоровского отказаться от своего решения:

«Для этого (нехотения) у меня три причины, кроме одной — главной и единственной, что это явится препятствием для слабых наших сил любить друг друга: во-первых, я ценю Ваше участие, Ваше мнение, слово, критику (...). Во-2х, Ваш выход из братства, как бы мы ни хотели быть друг к другу великодушны, все-таки не может не отразиться дальше и на наших основных отношениях, напр. в академии, как совершившийся в некотором роде духовный развод, и во всяком случае акт нелюбви. В-3х — и главное — я Вас очень жалею в этом, п. ч. считаю этот порядок мыслей и чувств неправильным и самоубийственным, как своенравие: можно и должно отречься и отсекал от себя многое, в том числе и общение, ради Бога — на этом основана аскетика монастыря и пустынночества, ради труда и творчества, на этом основана аскетика всякого мастерства, но не ради простого самоопределения (утверждения): я — таков».

Прежде всего, Булгаков рассматривал уход Флоровского как утверждение своенравного индивидуализма, как неже-

зыка под спасительный истинно вселенский покров Святой Церкви, в лоно подлинной религиозной реальности». Понятно, почему идеология (и даже терминология) Братства была так близка Булгакову: во-первых, из-за признания необходимости воспринимать Церковь как теократический идеал всего христианского человечества (а не только Православия), во-вторых, покров Святой Церкви воспринимается как вселенский, что вызывает неизбежные реминисценции из построений Вл. Соловьева периода «России и Вселенской Церкви», и, в-третьих, разрушение России мыслится как некий состоявшийся факт, причем территория, на которой это разрушение свершилось, однозначно определяется как «земля без Бога и против Бога». Это смещение акцентов в сторону неприятия большевистской России как катастрофы, как метафизической утраты, и необходимости определения Вселенской Церкви как Софии, общей для идеологии «софийцев», получила своеобразное преломление в работах Булгакова начала 1920-х годов. — *Примеч. перев.*

вание принять участие в «общем деле» Братства. Отклоняя, с достаточной резкостью, опасения Флоровского относительно того, что последний воспринимал в Братстве как «толстовство» и стремление поставить «чувства» над познанием, Булгаков описывает позицию Флоровского как упражнение в отрицании («нетовщина»). В заключении своего письма Булгаков замечает с раздражением: «если я не ошибаюсь [...] ваши личные дела неблагоприятны для Вас, но благоприятны для вашей мизантропии. Скорблю об этом».

Этот инцидент и усилил связь между ними, отлившись в более глубокое взаимное чувство, и добавил элемент скорби в качестве свидетельства разделявшей пропасти. Именно вследствие этих событий у Булгакова развилось новое отношение к Флоровскому, исполненное любви к младшему другу, но также и разочарования и иногда горечи, что они не смогли найти согласия: в своем отношении к «предательству» Флоровского он избрал тон любящего отца, глубоко озабоченного своим «сыном», однако постоянно разочаровываемого его своенравными манерами и отсутствием истинного понимания. Более чем год спустя Булгаков пишет с подозрительной горечью, что он примирился с распадом Братства (Бердяев и некоторые другие также его покинули); здесь он формулирует свою новую позицию:

«Я ощущаю для себя и за себя выход из братства как грех и обмирщение, но я, разумеется, не хочу навязывать своего отношения или мерить Вас своею меркою. А поверх всего остается слово апостольское: *любя долготерпит*, вся покрывает, всему веру ёмлет, вся уповает, вся терпит. Пусть это и для нас остается высшим законом бытия, и еще прошу Вас: пожалуйста, не думайте, что я ощущаю Ваш выход как неприязненное для себя действие, такого *личного* отношения у меня нет (или я не умею себя видеть). Вы по-прежнему остаетесь для меня духовным сыном и лично близким человеком, и я понимаю, что и Вам нелегко».

Тон «духовного отца», одновременно любящий и покровительственный, преобладает и в последующем общении

Булгакова с Флоровским. Когда Флоровский пытался объяснить свое обращение к отцам Церкви, Булгаков как бы похлопывает его по плечу, аплодируя его прогрессу — который, с его точки зрения, заключался в осознании Флоровским центрального значения Халкидонского догмата и внимания к исихастскому учению об энергиях, замечая при этом, что Флоровский не вполне понял их суть.

«Богослов *должен* быть библеистом, не может им не быть, и это раньше или, по крайней мере, одновременно с изучением отцов. Отцы все-таки сплав золота и шлаков, Библия — чистое золото. И вот проблема сущности и энергий есть все-таки проблема Софии, как *Deus ad extra*. Это есть самое центральное, обобщающее понятие всего богословия».

Такое же отношение проявлялось и по поводу более тривиальных предметов. Например, Булгаков трактовал профессорскую должность в Богословском Институте немного как награду тем, кто снискал его философское одобрение. Первоначально Флоровский получил кафедру патристики, поскольку предполагалось, что это будет для него полезно; позднее, как полушутя (но и полусерьезно) замечал Булгаков, он получил кафедру философии, коль скоро он пришел к чему-то близкому булгаковской позиции. Другой любопытный инцидент произошел тогда, когда Флоровский, очевидно, пытаясь показать дружелюбие, послал Булгакову книгу немецкого софиолога. Булгаков благодарит в тоне смиренной безнадежности: Флоровский выказал полное отсутствие понимания. Софиологические размышления безвестного немецкого мыслителя не имели никакой ценности для Булгакова, поскольку он, как подчеркивалось в приведенном выше письме, уже отыскал «центральное понятие богословия» и был теперь заинтересован в его воплощении, а не в абстрактных философских спекуляциях по этому поводу.

Авторитарная манера Булгакова ни в коей мере не противоречила серьезности его чувств по отношению к Фло-

ровскому. Их дружба, которая окрепла (или должна была окрепнуть) благодаря их участию в общем деле, с точки зрения Булгакова, могла стать, через личную связь, живым воплощением богословских идей. В момент самоотождествления с Троицей (не первый в его опыте) Булгаков заметил, что тот факт, что они с Флоровским «иноприродны», не исключает их совместной работы в рамках общего дела. В моменты гнева их отношения, как кажется, искренне видятся Булгакову в теологических категориях. Индивидуализм Флоровского оказывается предательством «соборности»: «И ведь *соборность* наша пресловутая есть не только словесный кулак, которым мы даем по морде католикам, но и труд, подвиг, аскеза соборного самоделания». «*Соборность*» здесь, попросту говоря, означала, что Флоровский должен поступать, как считает нужным Булгаков; но последний, как кажется, был искренне удивлен и задет тем, что Флоровский мог отказаться присоединиться. У Булгакова было острое сознание миссии — те, кого он любил, должны были, как ему казалось, его с ним разделять.

И эта интенсивность эмоций, и обостренное сознание миссии, и ощущение неотложности ситуации получили совокупное выражение в той позе духовного отца, которую Булгаков занимает по отношению к Флоровскому.

В своей переписке Булгаков и Флоровский вполне открыто обращались к некоторым из философских проблем, существенных для их диалога. Одной из них, вполне понятно, была София. В своей публичной защите софиологии Булгаков неоднократно настаивал на двух пунктах: во-первых, что своим учением он дает истолкование христианского догмата, а не требует особого догматического статуса для своих собственных теорий; во-вторых, что он не имел никакого намерения изобретать четвертую ипостась⁷.

⁷ См. реабилитацию Булгакова: *Сергей Булгаков. Докладная записка митрополиту Евлогию*. Париж, 1936.

Что стоит за этими двумя утверждениями, становится более ясным из писем. Булгаков воспринимал свою софиологическую программу как, во-первых, интерпретацию того, что для него было ключом к формулировке христианского догмата — догмата Халкидонского собора⁸; во-вторых, как подтверждение положений св. Григория Паламы — т. е. как то, что может быть названо «нео-исихазмом»; и в-третьих, как опровержение того, что он считал вредными (возможно, еретическими?) философскими воззрениями Карсавина, чью «философию всеединства» Булгаков интерпретировал как «монизм». Предостерегая Флоровского относительно опасности карсавинских идей, Булгаков писал ему на Пасху 1926 года⁹:

«Все-таки в основе всего догмат св. (...) и единосущная Троица и, как его раскрытие в Творении, Халкидонский догмат. И вот соединяя это в некоторое единство, определяющее фундамент всего богословствования, я продолжаю не видеть иного исхода, иной возможности это богословски осмыслить, как помощью теологумена о Софии, предвечной, тварной и, наконец, в единении той и другой, — Халкидонский догмат. Иначе единственный исход — в монизм, дуомонизм Карсавина. И мне кажется, что Вы, при всей Вашей антипатии к этому пути, идете именно им как богослов».

В другом пассаже Булгаков проясняет отношение своего собственного неоисихазма с первоначальному учению Григория Паламы:

«Ваше софиеборство ведет Вас к таким сомнительным идеям, как «акцидентальность» энергий и («Слава» же это и есть София, весь В.З. говорит об этом!) к разсечению

⁸ Халкидонский догмат стоит в центре богословия Булгакова в его большой трилогии «О Богочеловечестве».

⁹ Как ни странно, Булгаков часто, вместе со своим бывшим другом и коллегой Павлом Флоренским, причисляется к категории «философов всеединства». См., напр.: В.Н. Акулинин. *Философия всеединства*. Новосибирск, 1990.

Св. Троицы, когда Вы разлагаете отношение тварного сознания к Богу как к ипостаси Христовой и ипостаси Духа, а при этом неизбежно проводите или к «философии всеединства», к монизму Карсавинского типа. В частности в отношении к св. Григорию Паламе следует различать исихастическую сторону учения, где сам за себя и о себе говорит подвиг, и религ<иозно>-филос<офскую> формулировку учения об *энергиях*, к<ото>рая, если не прямо недостаточна, то во всяком случае требует уточнения хотя бы понятий: аристотелевская берется не в отношении *δυνάμεις*, но к *ουσία*: получается пара понятий, трудно совместимых. Но это, конечно, относится также к богословской форме, но не существу, но терминов. Трудности ведут и к нелепостям, пока не преодолены: полная аналогия с терминами *υποστάσις* и *ουσία* до каппадокийцев. А полемика с Паламой, что он вводит многобожие, есть полная аналогия с обвинениями софиеборцев относительно четвертой ипостаси».

В этом самоотождествлении с Паламой интересно то, что Булгаков трактует Софию не как введение нового теологического элемента или новой ипостаси, но как необходимое средство сохранить совершенное единство Троицы — единство, которым Флоровский рисковал пожертвовать, подобно тому как это случилось у Карсавина. По крайней мере субъективно Булгаков был убежден в том, что он не изобретал новый догмат, а предлагал единственное истолкование, которое могло иметь смысл в качестве эксплицитной доктрины Христианской Церкви, и таким образом защищал ее против наступления мистической философии.

Проясняя исихастские источники софиологии, письма также проливают свет на вторую философскую проблему: отношение булгаковской теологии к философии его великого предшественника, Владимира Соловьева. Несомненно, когда Булгаков впервые заговорил о Софии в своей ранней и важной религиозно-философской работе, «Философии хозяйства», он черпал вдохновение у Соловьева.

Но к концу двадцатых и началу тридцатых много воды утекло, и слова, обращенные к Флоровскому, должны служить для нас предостережением против отождествления Булгакова с Соловьевым, так же как и против наклеивания ярлыка «софиолога» на самого Соловьева¹⁰.

Интеллектуальная биография Булгакова отмечалась веками радикальных изменений в его мировоззрении: от марксизма к идеализму (1900), от идеализма к религиозной философии (1909) и, наконец, от религиозной философии к теологии¹¹. Письма помогают понять этот заключительный драматический сдвиг, когда Булгаков начал свою «вторую жизнь» как теолог, и отнести его к конкретной дате: 1926.

Подобно предыдущим интеллектуальным сдвигам, и этот был связан с глубоким личным кризисом и, через него, моментом откровения. В январе 1926 года Булгаков тяжело заболел. В своем эссе «Софиология смерти» (частично включенном, вполне уместно, в «Автобиографические заметки») он вспоминал, что эта болезнь была подобна «пещи огненной» (Мат. 13:42)¹². Лихорадочное возбуждение болезни и чувство успокоения и облегчения, когда она прошла, были восприняты Булгаковым как чудо Божьего прощения: «Было чувство: мои грехи сгорели, их нет»¹³. Это был момент нового возрождения и начала новой жизни.

Письма Булгакова к Флоровскому этого времени позволяют проникнуть в интеллектуальное содержание этого возрождения. В сходных выражениях Булгаков говорит своему другу: «И кажется мне, что многое отчасти догоре-

¹⁰ Мейендорф и Акулинин, как и другие, используют этот ярлык.

¹¹ Рукоположение в священство Булгакова в 1918 г., безусловно, также было важным моментом в его жизни. Интеллектуальный переход от религиозной философии к богословию, однако, произошел несколько позднее.

¹² Булгаков. Софиология смерти // Булгаков. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 137.

¹³ Там же.

ло, частью сгорело в жаре моем». Основным предметом, перегоревшим в этом огне, как явствует из следующих строк, было прежнее отношение Булгакова к Владимиру Соловьеву. В то время как раньше Булгаков упрекал Флоровского за «использование Соловьева как трамплина», без достаточного уважения к нему, теперь он перестает защищать философа.

«Страницы из Тихих Дум, к<ото>рые Вы, очевидно, разумели, сгорели еще раньше, вместе со всей Шмидтологией. Мне нечего идеологически защищать против Вас во Вл. С<оловье>ве, я с особой очевидностью для себя это почувствовал, когда была его память. Есть разница эмоционально-психологическая, кроме того, что для меня он остается одним из «отцов». Есть закономерно возникающие в душевности (не духовности) «трансцендентальные иллюзии», к<ото>рые тают просто при переходе в духовную жизнь. В С<оловье>ве мне кажется известное религ<иозное> несовершеннолетие, с его свойствами — диллетантизмом, экспериментированием, полетами воображения и проч. *Tel quel* он просто *религиозно* неубедителен и неавторитетен, не старец, а всего писатель (впрочем совершенно то же я думаю и о Д<остоевско>м). Я согласен с Вами, что подлинная жизнь в Церкви означает даже не преодоление, а освобождение или перерастание С<оловье>ва, он *там* не питает. Но и хотел бы, чтобы оно было зрячее, свободное, без всякого зажмуривания и пред трансц<ендентальными> иллюзиями (...). Ведь С<оловье>в живет еще и поныне в наших современниках, к<ото>рые нуждаются в какой-то помощи, а не только *противлении или крещении*»¹⁴.

¹⁴ А.Н. Шмидт — нижегородская журналистка, была автором оригинальной богословской системы «Третьего Завета». Когда незадолго перед его смертью она познакомилась с учением Владимира Соловьева, она вступила с ним в переписку. Интеллигенция Москвы и Санкт-Петербурга провозгласила Шмидт реинкарнацией соловьевской Софии. Булгаков был заморожен ею: он издал ее работы в 1916 году

Булгаковское «вступление в духовную жизнь» решительно отделило его от мистических «миров иных» Серебряного века, стремление к которым он разделял в молодости с современниками-символистами — Блоком, Белым, Гиппиус, Мережковским; теперь они кажутся ему всего лишь «трансцендентальными иллюзиями». Не без удовольствия он отмечает шок, испытанный Зинаидой Гиппиус, когда в речи на памятной панихиде философа назвал Соловьева не «Владимир Соловьев», а «почивший раб Божий Владимир». «Но, — замечает Булгаков, — я-то только так и мог и хотел видеть и говорить».

Это был момент, когда Булгаков решительно переступил черту, отделявшую религиозную философию от богословия. В следующем году появляется его первая «Софиологическая трилогия», продолженная в 1930-х годах обширным трактатом — также трилогией — о Богочеловечестве¹⁵. Поворот Булгакова к богословию — его интеллектуальная «новая жизнь», продолжавшаяся вплоть до его болезни (1939) и последовавшей смерти — субъективно стал возможен через «перегорание» в нем Соловьева, т. е. через преодоление соловьевской философии изнутри. София заключительного периода творчества Булгакова не была больше полуромантической *Ewig Weibliche*; ее заменила вселенская, духовная Мудрость Божия храма в Константинополе.

Отход от Соловьева расчистил путь к восстановлению философских и интеллектуальных отношений между Булгаковым и Флоровским. С большим облегчением Булгаков приветствовал то, что ему представлялось параллель-

и написал несколько эссе по поводу ее отношений с Соловьевым, опубликованных в сборнике «Тихие Думы» (Москва, 1918).

¹⁵ Имеются в виду так называемые «малая» («Купина Неопалимая», Париж, 1927; «Друг Жениха», Париж, 1927 и «Лествица Иаковля», Париж, 1929) и «большая» («О Богочеловечестве»: «Агнец Божий», Париж, 1933; «Утешитель», Париж, 1936 и «Невеста Агнца», Париж, 1945) трилогии. — *Примеч. перев.*

ным движением со стороны Флоровского: «Вы сдвинулись и с мелей своего антисоловьёвства (...) в открытое море богословия и новых тем и мыслей». Следуя «разделившимися путями» в отношении к Братству Святой Софии, оба мыслителя вновь обрели друг друга в своем взаимном открытии богословия. И даже если оба они в конечном счете не пришли к согласию, у них возникли общая почва и общее понимание.

К концу 1920-х годов ни Булгаков, ни Флоровский не были «соловьёвцами»; тем не менее они оба «прошли» через его философию. В широком смысле, обаяние соловьевской «Вселенской Церкви» продолжало распространяться на обоих философов. Как однажды это выразил Флоровский, Соловьёв «может быть истолкован в более широком смысле, и тогда мы услышим у него важный и подлинно вселенский призыв»¹⁶. В перспективе истории идей Соловьёв имел огромное значение как для Булгакова, так и для Флоровского; одному он указал путь к теологической системе, другому — к патристике и истории Церкви.

Этот интеллектуальный обмен служит фоном тонкой и полной уважения (хотя и скупой) ремарки Флоровского о Булгакове в «Путях русского богословия»:

«От Соловьёва путь назад к Шеллингу и к неоплатоникам, но и к патристике, к опыту Великой Церкви, в историческую Церковь, в *Церковь предания и отцов*. Власть немецкой философии очень чувствуется и у Булгакова, острое влияние Шеллинга в его хозяйственной философии (...). Но от религиозной философии Булгаков уверенно *возвращается к богословию*. В этом его историческое преимущество, в этом его сыновняя свобода...»¹⁷.

¹⁶ Цит. по: *George Williams. Neo-Patristic Synthesis of Georges Florovsky // A. Blane, ed. Op. cit. P. 312.* Как подчеркивает Уильямс, хотя Флоровский решительно настаивал, что он не был «соловьёвцем», он продолжал симпатизировать соловьевским идеям в широком смысле.

¹⁷ *Флоровский. Пути русского богословия. С. 493. Курсив Флоровского.*

Внутренняя близость и симпатия Флоровского к воззрениям Булгакова объясняет также позицию, занятую Флоровским в работе особой Комиссии, созданной для рассмотрения «дела» Булгакова. Не будучи в состоянии согласиться с теологической позицией Булгакова, он был в равной степени не способен осудить его взгляды как еретические.

Дружеские отношения Булгакова и Флоровского и эволюция их идей развивались в контексте жизни в эмиграции. Среди философских идей и экуменических проектов письма регистрируют постепенное погружение Булгакова в ирреальную действительность эмиграции. Эта действительность, если судить по письмам, не была такой уж плохой.

Ее отрицательную сторону, естественно, составляли очевидные материальные трудности эмигрантского существования во Франции 1930-х годов. У Булгакова были затруднения даже при найме комнаты для Флоровского и его жены, когда те прибыли в Институт; своевременное получение жалования было иногда проблемой; и каждый дополнительный курс, каждое добавление к программе Института создавало напряжение в бюджете, существовавшего главным образом за счет подарков и пожертвований со стороны «иностранцев». Эти трудности стали особенно острыми в 1936 году, когда иссякли британские и американские деньги. Статус Института также являлся проблемой: юридически, например, отсутствие его официального признания как высшего учебного заведения не давало возможности обеспечивать отсрочку от военной службы (в случае с польским студентом); что более существенно, Институт оставался, конечно, политическим и юридическим субъектом Православной церкви в диаспоре, со всеми вытекающими из этого практическими проблемами.

С положительной стороны, даже бедность сама по себе была некоторым образом опытом освобождения. Голос Булгакова звучал по-настоящему счастливо, когда он говорил вначале о своем детище — Богословском Институте — и о его скромных средствах. Мир и любовь, говорил он,

царят в их маленьком педагогическом семействе, и «над всем этим носится явственно осязаемое благословение преп. Сергия и его помощь». В противоположность, к примеру, страдальческим песням Марины Цветаевой, полным чувства утраты и одиночества, Булгаков утверждал, что у него нет никаких жалоб на отношение французов, хотя и добавлял при этом, что «Париж как-то мало приходится замечать из-за „обителi“». Время приносило все больше полезных контактов с британскими, американскими и французскими друзьями, учреждение Братства св. Сергия — св. Албания; конгрессы Русского Христианского Студенческого движения, поездки в Англию и Америку. Антипатия как Московской патриархии, так и Карловацкого Архиепископского Синода к учению Булгакова компенсировалась до некоторой степени возрастающим интересом к нему со стороны представителей западных церквей, а экуменическая деятельность Булгакова и его труды о Православии, безусловно, дали очень много для более близкого ознакомления с православием в Европе и Америке. Письма Булгакова середины 1930-х годов изобилуют английскими именами и выражениями.

Философские различия между Булгаковым и Флоровским отражались также в особенностях той роли, которую каждый из них играл в экуменическом движении. В то время как Булгаков стремился создать восстановление отношений на основании общей доктрины и верил, что София могла стать ключом к такому единению, «экуменизм во времени» Флоровского возлагал надежды на то, что Джордж Уильямс назвал «неопатристическим синтезом»¹⁸, т. е. на возвращение и оживление христианского эллинизма.

Характерным образом опыт эмиграции, как он отразился в переписке, лучше всего можно было бы определить как сосуществование фрагментов, чьи контуры жизни рас-

¹⁸ *Williams. Op. cit. P. 329.*

пались, превратив жизнь в каждодневную борьбу за существование, и как своего рода вынужденный космополитизм, в котором невозможность возврата в Россию продуктивно направляла интеллектуальную деятельность эмиграции в сторону определения Православной веры и передачи ее содержания другим.

* * *

Переписка между Булгаковым и Флоровским служит документом дружеских отношений, в которых Булгаков определял себя в роли «духовного отца»; философского диалога, касавшегося интерпретации обоими мыслителями религиозного догмата и отношения каждого из них к философии Соловьева; и наконец, существования в эмиграции, одновременно фрагментированного и космополитического. Ключ к их значению, однако, находится вне самих писем. В 1923 году, только что покинув Россию, выжженную пламенем гражданской войны, Булгаков стоял внутри собора Айя-Софии в Константинополе. Бродя по храму, он испытал новое апокалиптическое видение: новый, истинный Третий Рим, к которому, *перед концом*, Церковь должна явиться в своей полноте и единстве. Святая София должна была исполнить предназначенную ей роль универсальной, вселенской Церкви — роль, которую она утратила в истории¹⁹. Она снова должна была стать местом встречи земли

¹⁹ «У старообрядцев есть мудрое, как я вижу теперь, верование, что восстановление креста на Софии [константинопольской. — *А.Р.*] (конечно, не циркулярно-завоевательное, но всемирно-историческое) означает конец истории, — писал Булгаков в своем дневнике. — Если освободить эту мысль от эсхатологического испуга, ее окрашивающего, и выявить скрытое в ней видение, то она означает, что София станет осуществима лишь в *полноте* христианства, т. е. в конце истории, когда явлен будет ее последний и зрелый плод и сверкнет в мире православное Белое Царство. Ему, а не политическому завоевателю, не «всеславянскому царю» откроются врата Царьграда, и ему

и неба, как это испытали послы св. Владимира почти тысячу лет тому назад. Булгаков тут же себя одернул: время таких видений прошло — время «новых проектов» и строительства «карточных домиков». Разве не был он только что свидетелем того, куда могут вести подобные проекты?²⁰

Однако в конце концов Булгаков, не в силах противостоять мощи покорившего его видения, пришел к заключению, что в нем ему прозвучал голос Церкви. Последние двадцать лет жизни Булгакова стали разработкой этой темы, этой внутренней борьбы, когда, посреди деталей мелочного и кропотливого собирания денег и постоянных усилий поддержать существование Богословского Института и деятельность РСХД, он предпринял предельно амбициозный мессианский проект переинтерпретации христианской доктрины для современности. Вся жизнь Булгакова, от его «флирта» с католицизмом «у стен Херсониса» (в ответах католической догматике, которые он дал своей мариелогией и ангелологией), до его конечных усилий ввести новый принцип для определения соотношения между человеческой и божественной природой Христа в трилогии «О Богочеловечестве», завершившихся «финальной» книгой об Апокалипсисе св. Иоанна Богослова, представляла собой страстное, апокалиптическое ожидание — *чаяние* — Восьмого Вселенского собора, на котором его призыв к Православию и христианской доктрине в целом нашел бы наконец ответ. Если интеллектуально Булгаков «перерос» Соловьева, в своей личной жизни и общественных устремлениях он «не мог противостоять» мес-

дано будет воздвигнуть крест на Софии, которую освятит не распутинский ставленник, как и не «вселенский» патриарх, но в сознании своем иерарх вселенский» (С. Булгаков. Автобиографические заметки. Париж, 1947. С. 73 («В Айя-Софии. Из записной книжки»). — *Примеч. перев.*

²⁰ Булгаков. В Айя-Софии // Булгаков. Автобиографические заметки. С. 94–102.

сианству, напряженности, возбуждению, которые связывали его с Серебряным веком и с традицией русской интеллигенции, восходящей к пылкой напряженности русского гегельянства и романтических дружб и кружков Станкевича и Бакунина, Герцена и Огарева в 30—40-х годах XIX века.

Диалог между Булгаковым и Флоровским я могла бы обозначить как конец — или по крайней мере кризис — романтической традиции русской мысли. Я полагаю, что Флоровский не понимал и не хотел понять настойчивости Булгакова в личном переосмыслении Христианской догмы, являлось ли последнее в виде самоотождествления с Христом, либо нового понимания идеи соборности как единства для общего дела. Историзм Флоровского, с момента его выхода из Братства Святой Софии до «Путей русского богословия», представляет собой новое начало в истории русской мысли. Флоровский принадлежал новому поколению, чувствовавшему себя дома в новом космополитическом мире, одновременно русскому и интернациональному, и испытывавшему решительную антипатию к мессианским проектам.

Сам Флоровский соблюдал своего рода «молчание о Сергии Булгакове»: в то время как практически обо всех других значительных русских философах он дает пространственный комментарий, о Булгакова он едва лишь упоминает вскользь. Однако его работы несут в себе обильное свидетельство значимости их дружбы для самого Флоровского как историка и носителя Православной традиции²¹.

²¹ Публикуемые Екатериной Евтуховой письма С.Н. Булгакова к Г.В. Флоровскому сверены М.А. Колеровым (в ряде случаев уточнения редактора специально оговорены) по ксерокопиям оригиналов, хранящихся в Джорджтаунском университете (США): в частности, дополнительно расшифровано оставшееся неразобранном, раскрыты сокращения (они даны в угловых скобках). Раскрытие традиционного для Булгакова сокращения слова «который» (с помощью титла) не оговаривается. В квадратные скобки взято зачеркнутое автором, авторские подчеркивания выделены курсивом. — *Ред.*

1

†

Praha. Bubeneč. Havlíčkova tř. 36/IV
3/16. IV. 1923

Дорогой Георгий Васильевич!

Отвечаю на Ваше письмо, согласно Вашему желанию, без промедления, но с краткостью. Положение обрисовывается менее благоприятным и более трудным, чем Вы ожидали, и окончательное выяснение вопроса вместе с окончательным решением я принужден отложить все-таки до личного свидания с Вами. Но уже сейчас можно сказать:

1) Марка Eurasia-Verl<ag> для меня неприемлема вообще и в особенности ввиду того, что одновременно будет издаваться «Евр<азийский> Врем<енник>», так что будет неизбежно получаться общая скобка и ответственность. Это я считаю разрешимым.

2) Отсутствие гонорара (как раз кроме редакторского) я считаю неприемлемым: как можно просить статей и вызывать статьи, особенно у стесненных средствами, каковы все теперь, даром? Ваша группа здесь находится в особом положении в разных смыслах. И не правильнее ли уменьшить число листов, чтобы выгадать на небольшой гонорар?

3) Трудно редакторское положение: дедка за детку, детка за репку... Для меня неясна психология, которая за этим взаимным страхованием скрывается, — не взаимное ли *страхование*? Во всяком случае я и психологически, и в деловом отношении не могу действовать как редактор, т. е. организовать сборник, вызывать статьи, вообще предлагать инициативу с перспективой на будущее. Притом с Вами я живу в одном городе, а с Сувчинским даже не знаком. Лично мне не хотелось бы начинать дорогое и все-таки важное дело при условиях почти безнадежных, п. ч. я знаю по опыту и по своему характеру, что неудача и так деморализует и обезвкусивает весь план, и без того

почти неосуществимый. Вообще весь этот пункт подлежит выяснению и пересмотру.

4) План, Вами намеченный, был бы хорош, если бы был исполним, но я опасаясь, что он уже исполняется таким образом, [что] как лучше бы не начинаться. Но об этом, я надеюсь, легче всего нам оговориться.

Это заключение было обсуждено мною с В. В. <Зеньковским>, с которым мы находимся в полном единомыслии.

Мы переехали в город и водворились в новой квартире, которой довольны. Рукописей своих не получаю и потому лишен возможности над ними работать, а писать новые не является мотивов за отсутствием определенных видов. Поэтому грызу книги на свою потребу и к будущему курсу. Однако в этом уходит вторая часть каникул, а когда начнутся лекции, вместе со всем другим, трудно мне будет находить время для писания, тем более что последнее дается мне вообще все труднее, по закону естества...

Ваши Берлинские впечатления красочны и, боюсь, близки к истине. Здесь без изменения. Обсуждаем текущие вопросы к осени. Германский кризис тяжел и пока безысходен, даже при мирном настроении, вероятно, там теперь тяжело. Мне жутко за русских, даже и о Вас думалось, хотя сейчас-то уже затихло.

Господь да благословит Вас и Ваших. Привет Ксении Ивановне.

Ваш прот. С. Булгаков

P.S. Забыл относ<ительно> заглавия. «Устои» положительно не идет. Кроме лишних исторических ассоциаций это — психологизм: церковь не устои, но столп и утверждение истины, а первое есть ересь славянофильская («филетизм»). Я предпочел бы также избежать «православия» в заглавии, чтобы, с одной ст<ороны>, не пахло православщиною, а с другой — не было притязательно. Да и по суще-

ству «православие» — исторический модус Церковности. Поэтому, на мой вкус, лучше просто: Церковная мысль, Церковь, церковность. Да это и точнее отвечает замыслу. Но об этом можно еще разговаривать.

2

†

18/31.VIII.1924

Дорогой Георгий Васильевич!

Благодарю Вас за письмо Ваше 29.VII. и простите, что по обыкновению опаздываю ответом. В его настроении мне слышатся старые тона, не столько углубляемые, сколько повторяющиеся. Почему Вам кажется, что Вы не можете быть близким и нужным братству, оставаясь в своем собственном лице и чине? Почему у Вас такая бессознательная потребность отлить из различия противопоставление, из несродности враждебность? Я скажу по совести, что ценю Вас и для братства и для академии — и люблю Вас в этом именно своеобразии — именно так, как Вы есть, хотя и чувствую себя в некоторых основных определениях иноприродным Вам, и это не по пастырской только любви к попечению, но и просто как человек и мыслитель. А Вы заранее сетуете на трудность своего положения в Академии ввиду «правизны». Важна, ведь, работа и качество ее, а не «направление», которое тоже важно, но в ином разрезе. Ведь если бы был среди нас Болотов, разве бы спрашивали о направлении? И в отношении к братству Вы, имея всю остроту сознания, все говорите о выходе из него так, как будто бы Вы подверглись насильному туда приводу. Я считаю, что этим настроением фактически выход уже и совершается частично. Я не хотел бы, чтобы он совершился окончательно, хотя, разумеется, считал бы нелепым удерживать уходящего взрослого и ответственного человека. Для этого (нехотения) у меня три причины, кроме одной — главной и единственной, что это

явится препятствием для слабых наших сил любить друг друга: во-первых, я ценю Ваше участие, Ваше мнение, слово, критику; совет, серьезность, ответственность и т. д., вот, в частности, при обсуждении Велегр<адского> письма Ваше участие и суждение было для меня некоторой самопроверкой. Во-2х, Ваш выход из братства, как бы мы ни хотели быть друг к другу великодушны, все-таки не может не отразиться дальше и на наших деловых отношениях, напр. в академии, как совершившийся в некотором роде духовный развод, и во всяком случае акт нелюбви. В 3х — и главное — я Вас очень жалею в этом, п. ч. считаю этот порядок мыслей и чувств неправильным и самоубийственным, как своенравие: можно и должно отречься и отсекать от себя многое, в том числе и общение, ради Бога — на этом основана аскетика монастыря и пустынночества, ради труда и творчества, на этом основана аскетика всякого мастерства, но не ради простого самоопределения (утверждения): я — таков. Да и разве может человек сам определить свой тип²² иначе как при испытании? И ведь соборность наша пресловутая есть не только словесный кулак, которым мы даем по морде католикам, но и труд, подвиг, аскеза соборного самоделания. Повторяю, я *очень* буду огорчен, если у Вас явится решимость выхода, и молю Господа, да пошлет он Вам дух терпения и смиренномудрия. — Я думаю, что и вполне могу согласиться с Вами и в критике того, что Вы называете толстовством в православии и в оценке церк<овной> образованности, — что же ломиться в настежь открытую дверь! Но я не вижу, чтобы эти понятия составляли парное противоположение. «Толстовство», елейность, плохо тем, что имеет в себе слишком ощутительную примесь стилизации в [качестве] подмен истинного благочестия и дешевого фарисейства вместо трудного смиренномудрия. И сему противоположна не ученость, которая может и «кичить», но ис-

²² Версия редактора. У Е.Евтуховой — «чин». — М.К.

тинная простота, вера и благочестие, — апостолов, перво-христианства, подвижничества. Это относится к *существу*, а образованность — обстоятельство образа действия. Вот насколько здесь появляется духовная лень или обскурантизм, тогда дело плохо. Поэтому же я продолжаю ощущать как придирчивость и некоторую неправду Ваше осуждение студенч. кружков за то, что они не не хотят, но не могут стать просвещенными, но к этому просвещению тянутся. И помощи нам Бог, каждому в меру своих сил, им в этом помочь. Из этой атмосферы зарождается и план об академии, который Вы почему-то хотите ей противопоставить. Вообще *пока* Вы уходите не в монастырь, а только нетовщину. Вы, вероятно, знаете, что теперь ввиду приобретения недвижимости в Париже и участия Мотта именно в этом начинании — вся комбинация ориентируется на Париж. Но пока я считаю дело настолько еще неверным и угрожаемым (в частности из Сербии), что является преждевременным верить бумаге мысли и детали по этому поводу. Приедете — расскажу лично. Во всяком случае, даже в благоприятном случае план может разворачиваться частями и постепенно. О Вас я думаю как кандидате на кафедру патристики, насколько мои мысли здесь будут иметь значение. Одним словом, внутренний замысел не меняется. Я не знаю, согласен ли я с Вами, когда Вы говорите о том, что надо *узнать*, «а не почувствовать». Думаю, что узнавать нужно вообще возможно больше, особенно из истории церкви, но ничего нельзя увидеть не «почувствовав» и, с др. ст., есть путь высшего знания подвигом (путь Макария В<еликого>, Антония В<еликого>), который включает в себя в интеграле опыт церковной истории. Вообще здесь, как и повсюду, во всем заключается все, и эта Allheit есть величина не только экстенсивная, но и интенсивная. Я однако радуюсь и немножко завидую, что Вы теперь имеете возможность экстенсивного расширения своих знаний в соф<ийской> библи<отеке>, и многое бы дал [для] за эту возможность. В Париже мы имели ряд интересных собра-

ний братства.

О велегр<адском> съезде были в газетах неточные сообщения, что и побудило напечатать письмо целиком. Как я и предполагал, оно там произвело впечатление. Spaldak просит у меня статей для Acta к чеш<ского> журнала, я еще не отвечал ему. Я за лето имел мало возможности изучать, написал этюд о «мариологии» — на свои темы. Не сочувствую решительно Вашему решению писать о Сол<овьеве>, которого Вы не любите и даже философски не уважаете, нуждаетесь же в нем как в трамплине. При таком отношении не следует писать о ком-н<ибудь>, и Вам я по-прежнему желал бы патристическую тему. Если бы Вы могли вывезти сюда историю церкви Болотова, — ее можно было [в] приобрести в юр<идическом> фак<ультете> или м. миссии [?]. А если захотите доставить мне лично особое удовольствие, выкрадите (поручение от духов. отца!) или привезите на срок статьи Муратова — о любви (Пир., П.П., п. к Кор.).

Если не ошибаюсь, из Вашей приписки следует, что Ваши личные дела неблагоприятны для Вас, но благоприятны для Вашей мизантропии. Скорблю об этом. И вообще не усмотрите в этом письме чего-л<ибо> недружественного, совсем напротив. Молюсь о Вас и шлю благословение.

Любящий Вас пр. С.Б.

3

†

17/30.XII.1925

Дорогой Георгий Васильевич!

Поздравляю Вас и Кс<ению> Ив<ановну> с наступающим праздником Р. Хр., храню о Вас молитвенную память. Да пошлет Рождение в Вифлееме Свой мир в сердце Ваше!

Вы конечно, меня судите за мое молчание, и не пытаюсь оправдываться, хотя и мог бы. Скажу лучше несколь-

ко слов о нашем детище — богосл<овском> институте. Всегда лучшее есть враг хорошего, и при данных условиях в особенности. У нас все по необходимости скромно: и личный состав, и преподават. силы, и матер. средства. Однако над всем этим носится нами явственно осязаемое благословение преп. Сергия и его помощь. Я сознаюсь Вам, что выезжая из Праги, я не ждал того глубокого мира и тишины, которые обретаю здесь в «обители» у Преподобного, и за каждый день благодарю Господа как за великую милость. И прежде всего здесь храм, в котором ежедневно мы присутствуем и участвуем в уставных службах, вся жизнь освящена молитвою. Затем глубокий мир и любовь, по милости Божией, царит пока в нашей немногочисленной преподават. семье, а это особенно важно теперь, когда приходится закладывать основы школы. Работать для себя почти не приходится, но как-то не тяготит «послушание». Судите: ведь мне приходится преподавать не только догмат. богословие, но и В<етхий> Зав<ет> — учительные и пророческие книги, — docendo discimus в буквальном смысле, но я так много для себя выношу из этого принужденного библеизма. Характер преподавания средний между академическим и семинарским, также как и очень неровен состав по развитию и подготовке. Это неизбежные просчеты, сделанные при первом приеме. Однако моральный и религиозный уровень *выше* среднего в большинстве учащихся, и ревность к православию и любовь к богослужению отметил и м<итрополи>т Антоний, посетивший нас летом так же, как и проф. Глубоковский, прогостивший у нас месяц и со всеми нами сошедшийся.

Материально наше положение остается по-прежнему неопределенным. Мы живем из месяца в месяц неправильными поступлениями от благодетелей, преимущественно иностранных. И это не позволяет решить даже основного вопроса, когда нам развертываться в высшую школу: до лета остаемся [в] на положении пропедевтического. Также

неопределенность, уже по другим причинам, существует и относит. устава, который надо проводить чрез епископ. собор митрополиту. Это же ставит в невозможность решение вопроса о приглашении новых профессоров, которых нечем и нельзя обеспечить на длительный срок, и об открытии кафедр, налагает печать известного кустарничества или фельдшеризма. По этой же причине я все еще не могу Вам лично сообщить ничего, кроме того, что было при отъезде моем из Праги, т. е. пока полная неопределенность, хотя, разумеется, для меня остается в полной силе сказанное тогда о желательности приглашения Вас на одну из кафедр соответственно нуждам преподавания и Вашим вкусам. Если бы Вы по какому-н. случаю имели приезд в Париж, Вам и теперь же было бы устроено чтение эпизодич. лекций или курса, но для специального вызова на краткий срок Б<ого-словский> И<нститут> не имеет средств. У нас есть надежда на осуществление наших планов. Но так как это не от нас зависит, то и остается неопределенность. Понемногу собираются и книги, и полагается начало библиотеке. Я занимаюсь в Bibl<iothèque> nat<ional>, там во многих отношениях лучше чем в Праге, однако многого нет, и нет почти ничего русского. Книг на дом не дают.

Париж как-то мало приходится замечать из «обители», но жаловаться не приходится на отношение французов. Имеем частых иностранных посетителей. В феврале снова еду в Англию, разумеется, по делам школы. Чувствую, что мало удовлетворил Вас этим сухим рассказом. Надо бы Вам прожить у нас хотя день-другой, как теперь В. В., чтобы дохнуть атмосферой. Но это — увы! — за пределами досягаемого.

†

Н.А. Бердяев мне показывал Ваше письмо к нему, написанное по поводу его выхода из братства, о Вашем выходе из братства, который для Вас невозможен только по отсутствию братства. Сейчас я это пережил и могу гово-

рять об этом как о прошлом совершенно спокойно. Вы по обычаю умно и пространно развиваете свои мысли, в них много, конечно, верного, я только не приемлю того, что Вы сами сюда привносите. При таком отношении нельзя удержаться в братстве, необходима μετάνοια. Об этом мы уже много раз говорили с Вами в Праге. Может быть, Вам лучше пожить одному, хотя мне грустно о Вас. Оставшиеся члены братства решили продолжать существование, а Н<иколая> А<лександрови>ча приглашать на заседания (отчего он пока не уклоняется) и относиться к нему по-братски. Я ощущаю для себя и за себя выход из братства как грех и обмирщение, но я, разумеется, не хочу навязывать своего отношения или мерить Вас своею меркою. А поверх всего остается слово апостольское: любя долготерпит, вся покрывает, всему веру ёмлет, вся уповае, вся терпит. Пусть это и для нас остается высшим законом бытия, и еще прошу Вас: пожалуйста не думайте, что я ощущаю Ваш выход как неприязненное для себя действие, такого *личного* отношения у меня нет (или я не умею себя видеть). Вы по-прежнему остаетесь для меня духовным сыном и лично близким человеком, и я [постараюсь] понимаю, что и Вам нелегко. Не забывайте в молитвах и не поминайте лихом. Господь да благословит дом Ваш и семью Вашу.

Ваш прот. С. Булгаков

4

†

8/21.II.1926. Paris. Сергиевское подворье

Дорогой Георгий Васильевич!

Благодарю Вас за Вашу любовь, и молитву, и заботу обо мне. Письмо Ваше было для меня радостью. За это время

было от Вас несколько писем, первое — ответное, затем деловое, которое читал С.С. во время моей болезни, и последнее. Я был очень обрадован Вашим согласием приехать для прочтения эпизодич. курса по апологетике, — я опасался, что это Вам покажется слишком малопривлекательным, и огорчаюсь, что теперь ряд практич. трудностей является на пути к осуществлению этого нашего общего желания. Надеюсь, что [оно] это рано или поздно так или иначе устроится. Сейчас здесь С.Л. Франк, до конца этого месяца. Еще я утешаюсь тем, что Вы бываете и читаете в правосл. кружке — я знаю, что Вам трудно бывает раскачаться, но это — доброе дело.

За болезнь свою благодарю Господа; верю и знаю, что она послана мне для вразумления и помощи. Я все время был в сознании и напряжении духовном и даже умственном. И кажется мне, что еще многое отчасти догорело, частью сгорело в жаре моем. Мне трудно еще самому подвести «идеологические» итоги, а о жизненно-религиозных приличествует молчание.

Страницы из Тихих дум, которые Вы, очевидно, разумели, сгорели еще раньше, вместе со всей Шмидтологией. Мне нечего идеологически защищать против Вас во Вл. С<оловье>ве, я с особой очевидностью для себя это почувствовал, когда была его [честв<ование>] память. Есть разница эмоционально-психологическая, кроме того, что для меня он остается одним из «отцов». Есть закономерно возникающие в душевности (не духовности) «трансцендентальные иллюзии», которые тают просто при переходе в духовную жизнь. В С<оловье>ве мне кажется известное религ. несовершеннолетие. С его свойствами — диллетантизмом, экспериментированием, полетами воображения и проч. *Tel quel* он просто *религиозно* неубедителен и неавторитетен, не старец, а всего писатель (впрочем совершенно то же я думаю и о Д<остоевском>м). Я согласен с Вами, что подлинная жизнь в Церкви означает даже не преодоление, а освобождение

или перерастание С<оловье>ва, он там не питает. Но и хотел бы, чтобы оно было зрячее, свободное, без всякого зажмуривания и пред трансц<ендентальными> иллюзиями, пока они не изжиты, словом без анафематствования в сердце (но не в воле). Ведь С<оловье>в живет еще и поныне в наших современниках, которые нуждаются в какой-то помощи, а не только противлении или крещении. Желая, чтобы такою помощью была Ваша книга, и на это надеюсь. А католикам оказалось нечего привести относит. документального подтверждения присоединения В.С. к католичеству, я в этом убедился из теперешней их полемики со мною и др. Это может помешать и «беатификации» во благовремени.

Для курьеза: мне сегодня рассказывали, что Зин. Гиппиус была очень шокирована в моем слове, что я называл не «Вл. С.», а «почивший раб Божий Вл<адимир>», но я-то только так и мог и хотел и видеть и говорить.

Простите, мне писать еще трудно, хотелось только подать голос. Шлю привет Кс<ению> Ив<ановне>. Господь да благословит дом Ваш.

Любящий Вас пр. С. Булгаков

P.S. Я еще очень слаб, особенно в ногах. Как только укреплюсь, меня пошлют в Ниццу, где я постараюсь пробыть возможно меньше, особенно в виду вел<икого> поста, но я нахожусь под наблюдением врача и безусловно слушаюсь Ел<ену> Ив<ановну>, которая, можете себе представить, как надо мною бдит. Это пишу и для успокоения Вашей обо мне заботы.

Поездка моя в Лондон с марта перелagается на май. Но вообще повидимому она необходима, хотя и нелегка.

5

†

27.IV. / 10.V.1926

Христос воскрес, дорогой Георгий Васильевич!

Вы конечно, имеете боль на меня за мое невежество в письмах. И однако это не от недостатка о Вас памяти молитвенной, и не от худого отношения к Вашим письмам, а только от немощи, немощи и немощи. Ваши письма так меня радуют, как еще ни разу за всю пору наших отношений. Чувствуется, что Вы что-то прожили, в Вас что-то разрешилось, и, кроме того, Вы сдвинулись и с мели своего антисоловьёвства (допускаю, что для Вас нужно было как-то его для себя исчерпать) в открытое море богословия и новых тем и мыслей. И меня радует, что *направление* Вашей мысли ведет Вас именно к той самой центральной точке, которую я Вам сразу, хотя тогда еще преждевременно, указывал, к проблематике «энергий» и, в частности, у св. Григория Паламы. Я ловлю Ваши мысли и частью с ними соглашаюсь, — напр., Ваше последнее письмо совсем не вызывает во мне возражений, частью думаю, что Вы еще не дошли до конца, именно в центральном для Вас и основном вопросе — о Халкидонском догмате. Мне хотелось бы достойно ответить на Ваши столь содержательные и дружески бескорыстные письма, но сейчас я не могу дальше задерживать пасхального привета и отложу ответ до личного свидания. В двух словах: мне кажется верным и ценным Ваша ориентация на Халкидонском догмате, но не с таким его преобладанием. Все-таки в основе всего догмат св. живоначальные и единосущные Троицы и, как его раскрытие в Творении, Халкидонский догмат. И вот соединяя это в некоторое единство, определяющее фундамент всего богословствования, я продолжаю не видеть иного исхода, иной возможности это богословски осмыслить, как помощью теологумена о

Софии, предвечной, тварной и, наконец, в единении той и другой, — Халкид. догмат. Иначе единственный исход — в монизм, дуо-монизм Карсавина. И мне кажется, что Вы, при всей Вашей антипатии к этому пути, идете именно им, как богослов. Я далек от какого бы то ни было желания навязывать свои идеи, тем более, что теперь они, думается мне, освобождены от разных приражений и предстают как единственно вразумительный богословский ответ, который я все яснее прозреваю и в Слове Божиим. Как я благодарю Бога, что мне в этом году дано было послушание — преподавать учительные и пророческие книги В<етхого> З<авета>. Как многому сам я чрез это научаюсь, всматриваюсь, примечаю, чего ранее не видел. Богослов должен быть библеистом, не может им не быть, и это раньше или, по крайней мере, одновременно с изучением отцов. Отцы все-таки сплав золота и шлаков, Библия — чистое золото. И вот проблема сущности и энергий есть все-таки проблема Софии, как Deus ad extra. Это есть самое центральное, обобщающее понятие всего богословия. Сейчас этого странным образом никто почти не понимает, но меня это даже не беспокоит, — так есть и когда-то будет понято. Не думайте обо мне, что я фанатик Софии. Я о ней теперь почти не говорю прямо, и считаюсь с силой предубеждений, и, главное, не чувствуя к тому необходимости, п. ч. само дело за это говорит. Мне кажется, что и для Вас теперь настает ранее или позже пересмотр этого вопроса, освобожденного от всего Соловьевского, и от моих собственных приражений, в ее чистом богословском кристалле.

Надо было бы Вам писать относительно каждого пункта Вашего письма, так они насыщены, и, чувствую, так Вы нуждаетесь в беседе, но сейчас не могу. Лучше поговорим о практических вопросах. Ваше желание пойти на лишения, которые неизбежны, особенно жилищные (в сравнении с професс<орским> домом), встречает мое полное сочувствие, и, я уверен, Ваша кандидатура не встретит

ничьих возражений. Преподавание Ваше определится, когда мы будем обсуждать план будущего года и разверстывать предметы. [В] Это м. б. или основ<ы> бо<го>сл<овия>, или патристика, или что-н<и>будь из филос. наук (как видите, теперь, когда я вижу Вас находящим свой путь в богословие, я теряю и свое предубеждение против предоставления Вам философии), будет видно. Однако главные трудности остаются финансовыми. Английская забастовка, конечно, отразится на притоке средств из Англии (отсрочена и моя туда поездка), америк. средств мало. Митрополит до крайности жметесь, а он имеет решающий голос. Только на днях мы потерпели одну неудачу, очень показательную. Нам предстоит немало расходов по расширению помещения, без которого нельзя открыть второй курс. То, что Вы пишете относит. своего самосознания при приближении к известным вопросам и вообще об отношении к священству очень трогательно и правильно. Есть внутренние времена и сроки. Но подворье и в этом отношении представляет питомник. У нас (у вл. Вен<иамина>) был даже параграф в проекте устава, который, по видимому, вносится теперь в архиер<ейский> Собор, чтобы все преподаватели были в священном сане, но потом это мы его устранили как невыполнимый для одних, стеснительный для других. А я, кроме того, прибавлю, что неправильно тоже безгранично увеличивать духовенство, имея всего-навсего один небольшой храм, не располагающий ни средствами, ни ризницею. Это — общая судьба беженских храмов. Есть у нас и другие трудности, о которых не стоит на расстоянии говорить. Приветствую с пасх<альным> праздником Кс<ению> Ив<ановну>. Наши все кланяются. Шлю благословение. Любящий Вас пр. С.Б. Прошу молитв и молюсь.

6

†

24.V. / 6.VI.1926. Paris

Дорогой Георгий Васильевич!

Поздравляю Вас с избранием в профессоры Богосл. Института. Преп. Сергей призывает Вас в свои послушники и, как я уже не раз заметил, наш строгий Игумен испытывает новичков послушаниями и трудностями. Ждите и Вы их, и пока получайте в виде изобилия наваленных на Вас курсов, — апологетики, патристики, философии. Вас<илий> В<асильевич Зеньковский> расскажет Вам, как много мучились мы, натягивая свой Тришкин кафтан, и против желания пришлось Вас перегрузить. Материальные условия, в общем, удовлетворительны (их также расскажет В. В.) и Ваши желания относит. поездок в Чехию для удержания жалованья также с нашей стороны возражений не встречают. Посему осенью надеемся иметь Вас в своей среде.

Менее всего благоприятно с квартирой, п. ч. в подворьи для Вас больше одной комнаты (митрополичьей, — в ней останавливался теперь В. В.) не найдется, и вообще с квартирой здесь трудно. Разумеется, об удобствах професс. дома здесь лучше позабыть. Но раз Вы приедете сначала один или даже вдвоем, то приют будет, а постепенно и устроитесь. Спешу к В. В., а затем на литургию. Посему заканчиваю. Обнимаю Вас и благословляю.

Привет и благословение Кс<ении> И<вановне>. И всему Вашему дому.

Любящий Вас прот. С. Булгаков

P.S. Вы узнаете от В. В., какие непролазные дебри — личные и неличные — представляет для нас кафедра философии. Еще забыл: программу осн. богословия, Вами представленную, придется изменить, п. ч. в теперешнем виде она представляет род богосл. энциклопедии и в значит. час-

ти повторяет то, что уже читается в других курсах богословия. Хотя это само по себе неплохо и даже м. б. полезно, но мы такой роскоши себе не можем позволить, ибо экономим каждый час. Потому постановили Вас просить сосредоточить свое изложение а) на общефилос. апологетике — даже не столько христианства, сколько религии, значит: доказательства бытия Божия, критика материализма, атеизма, пантеизма и пр., б) знакомство с современными научными концепциями, в частности в биологии и вообще естествознании, благоприятными для веры. История религии отнесена к Арсеньеву, хотя я лично вверил бы это и Вам, если согласитесь, отчасти ввиду неверности приезда Арс<еньева>.

7

†

7/20.VII.1926. Paris.

Дорогой Георгий Васильевич!

Опять виноват пред Вами молчанием. Спешу ответить хотя бы вкратце самое важное:

1) Изменения в Ваших предполагаемых курсах произошли отчасти на основании письма С.Л. Франка с предположениями отн. преподавания философии, которые за сложностью не излагаю, но которые не включали Вашего преподавания введ<ения> в фил<ософию>, что для Вас было легко, но включали эллинист<ическую> ф<илософию>, что, конечно, потребует огромного труда. Мы Вас пожалели и хотели Вас облегчить и дать возможность сосредоточиться на двух основных курсах. Неизвестно, будет ли Н.С. Арс<еньев>, читать историю религии. Лучше было бы, если бы Вы могли ввести в курс эти главы, разумеется, в общих чертах, но это лишь во всяком случае в второе полугодие.

2) Пэрс Вашу рукопись просто потерял. Но извиняется и, кажется, хочет поместить. Просил прислать еще раз уст-

но, а затем, как видите, письменно. Злого умысла здесь нет, он ссылается на неопытность секретаря. 3) Относит. квартиры выяснилось в последнем счете, что Вам ее не будет в Подворьи, — просто нет ни одного вершка. Сначала м<итрополи>т хотел отдать Вам свою комнату, но теперь раздумал, а я и сразу понимал, что это несерьезно, — нельзя же в самом деле м<итрополи>ту не иметь здесь своего угла, когда он приезжает. Придется искать, а это трудно, дорого и неприятно. С вокзала приедете в подворье и, если будет угол, там перебудете. Боюсь, что остановиться вместе с Кс<енией> Ив<ановной> в подворьи будет затруднительно, п. ч. особой комнаты нет. У нас всегда такой наплыв, что заранее не скажешь. Номера вблизи Подворья есть. Жалование вам будет лишь в октябре, но сентябрьское (не в пример другим, по новой смете) будет выдано на подъем. Есть семейные и квартирные прибавки. Вероятно, об этом писал Вам наш секретарь.

3) Относит. *библейской* апологетики я думаю, что ее можно излагать, попутно с ест<ественно>-научной, иначе ведь не хватит времени, но это мое личное мнение. Думаю, что здесь в распределении материала Вы свободны, ведь апологетика — вещь необъятная, приходится выбирать.

4) Семинарий по патристике предполагался, по апологетике, насколько помню, нет: не хватает времени. Мы на месте уже скомбинируем часть семинаров. — Занятия начнутся после дня преп. Сергия.

Спасибо за сюрприз — перевод из Паламы. Радуюсь за Гр. Вл. В свое время я этот трактат изучал, но сейчас перевода еще не успел обозреть. Все-таки думаю, что Ваше софиеборство ведет Вас к таким сомнительным идеям, как «акцидентальность» энергий и к (скрытое²³) рассечению Св. Троицы («Слава» же это и есть София, весь В<етхий> З<авет> говорит об этом!), когда Вы разлагаете отношение тварного со-

²³ Описка Булгакова. Правильно: «скрытому». — М.К.

знания к Богу как к ипостаси Христовой и ипостаси Духа, а при этом неизбежно приводитесь или к «философии всеединства», <или> к монизму Карсавинского типа. В частности в отношении к св. Григорию Паламе следует различать исихастическую сторону учения, где сам за себя и о себе говорит подвиг, и религ.-филос. формулировку учения об энергиях, которая, если не прямо недостаточна, то, во всяком случае, требует уточнения хотя бы понятий: аристотелевская ἐνέργεια берется не в отношении к δυνάμις, но к οὐσία: получается пара понятий, трудно совместимых. Но это, конечно, относится также к богословской форме, но не существу, но терминологические трудности ведут и к неясностям²⁴ пока не преодолены: полная аналогия с терминами ὑπόστασις и οὐσία до каппадокийцев. А полемика с Паламой, что он вводит многобожие, есть полная аналогия с обвинениями софиеборцев отн. четвертой ипостаси.

Положение тяжелое и смутное, конечно угрожаемы и Карловцы и Академия, но еще не сегодня: довлеет дневи злоба его. А обще-церковное положение еще не определилось.

Поеду на конференцию. В Англии я испытал церковную радость, и вообще было оч. хорошо. Благословляю Вас, молитвами с Вами. Привет Кс. Ив. Ваш пр. С.Б.

8

†

13/26.VIII.1926. День свят. Тихона пред литургией

Дорогой мой Георгий Васильевич!

Вы как никогда изнемогаете от моего молчания. Это время события несутся потоком, и в каждый момент мож-

²⁴ Версия редактора. У Е.Евтуховой «нелепостям». — М.К.

но дать лишь его фотографии, п. ч. немедленно все изменится. Церковное положение остается нелепым. Легаты уехали, ждем их в начале будущей недели. Положение еще осложняется в связи с вестями из России. Для Академии возможность раскола может угрожать затруднениями в Англии и где вообще иерархическая позиция м. Евлогия наиболее слаба вследствие настроений арх. Серафима (это — *privatim*). То, что Вы пишете о Праге, мне не ново. Пока все держится до испытания. Господь укажет путь, но надо ждать скорбей. Вам ввиду всего этого мой дружеский совет — официально не разрывать с Прагой, как Вы и сами предполагаете, но не менять планов переезда. Вам, конечно, будет оказано всякое содействие, чтобы можно было приезжать в Прагу. Так я сам поступил бы на Вашем месте.

Внутренне все это время шли и идут трудности с Карсавиным. Я Вам сразу скажу в чем дело. С одной ст., принципиально *решено* привлечь его в преподаватели и чрез некоторое время, которое, по моему пониманию, еще не наступило, а по мнению других, *уже* наступило, дать ему и кафедру. Невзирая на все евразийские благоглупости, он — ученый первого калибра, и нельзя его отстранить. Но я как дракон стал на страже патрологии, которой он, конечно, всего более хочет, считая, что она поручена уже Вам. Я чувствую себя, с одной ст., связанным словом, а с другой, всегда Вам желал стать именно патрологом. Это и приятно, и К<арсавин> успел уже обидеться и заявить, что он уже никогда не возьмет патрологии. На самом же деле думаем так, что судить об этом будем лишь по Вашем приезде. Теперь Вы будете, конечно, читать, что Вы готовите, но в будущем предмет так велик, что возможно и разделить его, но только по взаимному соглашению, для чего необходим личный контакт. Поэтому все откладывается до Вашего приезда, хотя из-за этого откладывания уже вышли личные недоразумения (конечно, не с Вами). Ведь на нас все обижаются, как будто мы можем создать несущ<ествующие> возможности. Во вторую очередь К. хо-

чет апологетику, но и она сейчас отдана Вам, и об этом семинаре нет речи. Но я думаю, что этот предмет Вы берете скорее из послушания и, если его заменить напр. введением в философию, то и не будете за него держаться, — в будущем, но и это за Вас не предрешаем. Затем он соглашается на сравнительное (обличит^{ельное}) богословие. Распределение кафедр еще не закреплено. Пока на этот семестр он получает лишь кусочки истории философии, а во 2 сем^{естре} часть церк^{овной} ист^{ории}, <по> преимуществу история догмы зап^{адных} ц^{ерквей} («обличит.» богосл.). Вообще мы его участия искренно хотим и не можем не хотеть, но надо согласовать с общим планом и потребностями, а он недостаточно склонен идти на «послушание». Для Вас нет решительно никаких оснований беспокоиться, Ваши интересы ограждены, а затем будем думать общую думу. Обнимаю Вас за интересное сообщение, здесь мало немецких книг, и едва ли я достану герм^{анского} софиолога. Ист^{орию} филос^{офии}, после 10-кратного преобсуждения, придется, кажется, в этом семестре отдать Франку. Трудно ли Вам было бы присоединить к своим курсам введение в философ^{ию} теперь же?

Шлю привет Кс. Ив. благословляю.
Ваш молитвенник пр. С.Б.

9²⁵

M. S. Boulgakoff
93 rue de Crimée
Tchechoslovaquie
Prahа. Bubeněe

Vuekova ul. 597, è. b. 36
Panu G. Florovsky

†

22.XII.1926. Paris — Сергиево

Дорогой Георгий Васильевич!

Поздравляю Вас и Кс<ению> Ив<ановну> от всех нас с праздником Р. Хр., шлю привет и благословение. Благодарю Вас за дружеское и, по обычаю, интересное письмо, на которое отвечаю этими задушевными <?> строками. Недавно совершал литургию в Медоне, и — в Вашей квартире. У нас напряженность не уменьшается — с разных сторон. Однако ничего решающего не произошло. В Лондон едем 28го, дней на 10. Как раз думал об англик<анской> ordination, когда получил Ваше письмо. От тринитарности к христологии и наоборот — путь одинаково проходим, — кто к чему более предопределен. У меня в печати, как Вы знаете, давно уже «Купина Неопалимая». Как ее выпускать, спрошу у м<итрополи>та.

Патристику К<арсавин> только начал читать, отн<осительно> пробелов согласен: Opus eurasiaticum незрел. О результатах акции против р. акции еще не знаю. Господь с Вами.

Любящий Вас пр. С.Б.

10

†

Paris
3.IX.1929

Дорогой Георгий Васильевич!

Оч. рад, что Вы отдыхаете и желаю Вам отдохнуть основательно. Съездил хорошо, но отравляли мне пребывание

мелкие жульничества Вашего *amori passati Figaro* (в союзе с грекосами <?>). Если интересуетесь, расскажу лично. Очарован дружественной внимательностью и гостеприимством Либа. Книги Вам привез, кроме биографии Мёллера, он ее оставил для себя. 4ый курс утвержден, хотя пока держится в секрете. Сегодня-завтра надо в правлении (один А<нтон> Вл<адимирович>!) решить окончательно его состав и прием первого курса — медлить нельзя. Снизу, из кухни, к студентам проник слух, просочившийся через Аметистова, о том, что у нас принципалом будет снова еп. Вениамин. Для меня этот слух не содержит новости, но еще *the rest is silence*.

Господь да благословит Вас. Кс<ении> Ив<ановне> — привет и благословение.

Любящий Вас пр. С. Булгаков

Серг. Серг. шлет мне известие со слов о. Шавельского, что Зызыкин перешел в католичество, оставаясь профессором прав. фак. и тоже ждут от Ливена. Я не верю, думаю, что это — все та же заметка. М. Дионисий в Швейцарии не был.

Большая просьба: наш студ<ент> Поляк подлежит отбыванию воинской повинности в Польше и должен туда ехать. Мы его выхлопатываем. И единственное средство — просить польское консульство из авторитетных источников, т. е., французов о том, чтобы они признали наш Богосл. Инст. в<ысшим> уч<ебным> зав<едением>, дающим право на отсрочку до конца учения на общих основаниях. Мне пришло в голову не может ли здесь помочь своим весом Маритэн. Я с ним знаком мало и стесняюсь к нему обращаться, Н. Ал. <Бердяева> в городе нет. Не напишете ли Вы ему письма непосредственно или для передачи Маритэну, с тем чтобы Поляк пошел к нему сам. Адреса его я тоже не знаю. Его положение, как профессора К. И., особенно благоприятно.

11

†

15.IX.1935

Дорогой о. Георгий!

Благодарю Вас за Ваше письмо и радуюсь, что Вам удалось хорошо поработать в Англии в смысле духовного экспорта, а вместе, как Вы говорите, и импорта. Пора уже и домой. По кр<айней> м<ере>, я оч. сожалею, что Вас не было на заседании Правления о приеме (хотя отбор 8 из 25 был сделан в общем объективно и почти нелицеприятно) и особенно о докторате, какое будет 17го в присутствии здесь гостящего Н.Н. Глубоковского. Занятия решено начать с Сергиева дня. С деньгами слабо, п. ч. из Америки с июня так ничего и не было. О. Кассиан на Корсике, Г.П. тоже еще нет. Нам надо иметь англо-русское заседание на основании Милицыного протокола Лонд. Executive. Занятия в Вч. М., по моему опыту, как в военное время: день за неделю.

Я доволен своим летом, п. ч. хорошо отдохнул, работал и, при рассудительном расходовании своих сил, надеюсь нести свою долю работы. Здесь злоба дня — поездка владыки на Балканы по приглашению п. Варнавы, легатом которого является и Н.Н. Гл. Кажется, до сих пор владыка этого вопроса еще не разрешил.

29го, в день усекновения главы Предтечи, вл. м<итрополит>т постриг (в рясофор) сестру Иоанну, в миру Ю.Н. Рейтлингер. Вот, кажется, все наши новости. В подворье еще пусто. С наилучшими пожеланиями Ваш собрат о Господе Иисусе

пр. С. Булгаков.

P.S. Ваше письмо Ф.Г. будет передано при первом его появлении в подворье.

P.P.S. Viribus unitis по-русски переводится: соборность. Ни к чему с своей стороны так не стремлюсь, как к этому, п. ч.

совсем не имею склонности к индивидуализму, и если она есть, стало быть не умею ее в себе видеть, что тоже бывает. Интересно, входит ли в Вашу историю русского богословия юбиляр, и если да, то как.

12

†

14.X.1935

Дорогой о. Георгий!

Получив Ваше письмо, я отправился с ним к преосв. настоятелю еп. Иоанну, так как — Вы понимаете — я не компетентен сам разрешить вопрос, касающийся и жизни прихода. Преосв. Иоанн, по соображениям удобства, предлагает Вам понедельник, причем поздней обедни в этот день не будет. Я же имею только сообщить Вам, что утреннее богослужение у нас бывает от 7—8, с тем, чтобы студенты имели время выпить чаю и отдохнуть к началу лекций в 8.40. Поэтому проскомидия у нас совершается заранее с тем, чтобы начало литургии точно было в 7 ч., а окончание в 8.

Ваш преп. С. Булгаков

13

†

6.IV.1936

Дорогой о. Георгий!

Благодарю за присланное. Немедленно отвечаю на Ваше письмо. Отн. своего доклада я принимаю меры, чтобы, сколько можно, англичан удовлетворить. Как будто выпал вопрос о почитании Богоматери? Или это включено в софиол. доклад? Я не настаиваю, п. ч. инициатива не моя.

Относительно служб согласен. На 3й день, конечно, надо поставить Б. И. О. Кассиан тезисы готовит теперь. Все-таки жалко, что он оставлен без своего особого места в программе, хотя боюсь, что теперь менять уже поздно.

Желаю Вам мира и радости в святые дни Страстной седмицы.

Ваш прот. С. Булгаков

14

†

3.IV.1937

Утро

Воистину воскрес Христос!

Поздравляю Вас, дорогой о. Георгий, вместе с Ксенией Ивановной, с великим праздником Воскресения Христова, с лучшими пожеланиями. Мнил соединиться с Вами ныне по прежнему обычаю «в преломлении хлеба».

С любовью прот. С. Булгаков

Со среды исчезаю из Парижа на три дня.

15

†

10.VI.1937

Дорогой о. Георгий!

С праздником! Только что получил Ваше письмо и немедленно вызвал Гаврилова для опроса. Он согласен ехать в лагерь. Что касается занятий, то он показал мне список нескольких книг, указанных ему Б. Ив., более или менее общего характера, для прочтения. Разумеется, будет оч. хорошо, если Вы дадите ему более конкретные указания отн.

работы, — м. б., даже на основании этих книг, или же несколько измените и дополните список. Большинство названий более или менее бесспорны.

Душевно Ваш прот. С. Булгаков

16

†

Пасха Христова

11/24.IV.1936

Христос воскрес!

Дорогой о. Георгий!

Приветствую Вас с Светлым праздником и шлю Вам и Кс. Ив. пасхальное целование. Поздравляю Вас также с минувшим Днем Ангела, чего не мог сделать своевременно за неимением Вашего адреса, который узнал только сегодня из полученного от Вас пасхального письма. Дни великопостные и Страстной седмицы прошли для нас в состоянии духовных напряжений, молитвенных восторгов и трудов, которые Вы знаете. Так же прошла и пасхальная ночь, и мне теперь чувствуется вся немощь естества, отчасти проистекающая и от того, что за время В<еликого> поста я был два раза болен: один раз сам — коротко, а второй раз болезнью Ел. Ив., более длительной (операция в госпитале). Сверх этого черной тучей лежало и лежит наше финансовое состояние, которое обострилось до небывалого еще кризиса, хотя каким-то чудом выдали полностью апрельское жалование. Одновременно прекратили действие оба источника, английский (очередной grant выдав в два приема лишь за февраль, и требуют все новых сокращений, — причина этого бездействия Вам, конечно, понятна) и американский (отсутствие до сих пор новой организации, осложненное еще смертью Гавина и болезнью Spear'a, хотя Bishop Petru про-

должает поддерживать данные обещания). Что можно делается для восстановления положения, но возможен «кассовый» кризис самого тяжелого характера. Вот то, что я пока могу сказать об общем положении, а отсюда можете сделать соответствующие заключения и по Вашему личному вопросу. Разумеется, я обсужу с Евг. М., в какой мере и как могут быть исполнены Ваши пожелания, и, конечно, будет сделано все, что можно, чтобы выручить Вас из безденежья в дальней стране, но это пока и все, что умею Вам ответить. Благодарю Вас за интересный рассказ о Ваших впечатлениях, занятиях и встречах в Афинах. Ваши успехи в разговорном греческом языке столь же велики и быстры, как и в английском. Желаю Вам во всем этом всяческого успеха. Семестр мы закончили, и после Пасхи начинаем экзамены.

Прошу передать привет Кс. Ив. от Елены Ивановны и от меня.

С пасхальным целованием Ваш сослужитель о Господе нашем прот. С. Булгаков.

Кончина еп. Фриза — потеря незаменимая. Мы здесь служили о нем панихиду митрополичьим служением, с словом владыки.

Из разговора с Е.М. выясняется: 1) что деньги за апрель для Вас здесь лежат, 2) что Е.М. никаких распоряжений о Герме и сношении с П.Ф. от Вас *не* имел и заключает, что одно Ваше письмо пропало, 3) что он ждет поэтому от Вас дальнейших распоряжений.

17

†

12.VII.1938

Дорогой о. Георгий!

Вчера я возвратился из Англии после конференций. Обе они прошли с чрезвычайным подъемом и успехом, наде-

юсь, внешним и внутренним. Конференция F-р'а по многочисленности превзошла предыдущие — 175 человек. Главное преимущество обеих конференций были семинары. В том, в котором участвовал я, своеобразное оживление вносили немцы и шведы, вообще был некоторый уклон от англиканизма к экуменизму, без вреда для к<онференц>ии. Спикеры на к<онференц>ии F'а, кроме нас, были: Hodgson, M. Ramsay, Parker, Hadlam (записка), кроме деловых. Из новых русских членов были о. Михаил Соколов, переживавший первые восторги, и о. Афанасий, выделявшийся англ. языком, литургической ревностью и доступностью. Был в ударе Вас. Ив., по кр<айней>м<ере>, первую часть к<онференц>ии. Был карловчанин — молодой арх<имандри>т Нафанаил (Львов), сателлит о. Нестора, который и сам собирался, но в конце концов не собрался. Появлялся о. Gibbs. Был наш владыка, который был горячо приветствован. Путь его лежал не в, но *чрез* конференцию, там он, видимо, имел успех, это, однако, покажет будущее. Из старого поколения никого не было, но оч. хороша исповедь (сейчас я понимаю английскую). Ваша suggestion обсуждалась в Executive и принципиально не встретила возражений. Но дальнейшие обсуждения и продвижение ее отложено до того времени, когда произойдет лично встреча с Bishop of Derby и выяснится его самоопределение в F-р'ом. Таково было мнение англичан. Ваше приветствие съезду я передал, и оно было оглашено от моего имени председателем Fen'ом. Характеризовать отдельные доклады будет субъективно. Резолюции отн. Future переданы для обсуждения и уточнения в Executive. Разумеется, над конференцией витала тень В. Fiere'a, и молились об упокоении его души.

Я почти немедленно уезжаю в Royat, для восстановления сил. По окончании лечения буду в Париже. Поделюсь с Вами курьезом. Я вместе с м<итрополи>том на этот раз останавливался в Лондоне в St. Edwards House. Там же одновременно имел приют Большаков, которого я не знал,

но мне его указал [епископ] владыка. У последнего был с визитом Fynes Clinton, с которым встретился и я. Через день туда приходит письмо на имя S Bolhakoff (sic) (с обращением без Fг, что я принял за выражение холодности). Вскрыв письмо, я убедился, что я вскрыл чужое письмо — Большакову (о каких-то изданиях). Теперь должен извиниться, но ряд искусительных совпадений был так велик — *risum tantatis, amici*.

В Подворье пусто. Надо надеяться, что помощью П.Ф. летнее жалование все-таки будет. Воззвание, подписанное архиепископами, епископами и авторитетными лицами (Gordys и мой друг Garvie включительно), осталось мало замеченным и успеха не имело. Нужны, очевидно, другие средства. Mrs. Cram больна — нервной экземой, отчасти от заботы о нас. Но Америка пробуждается. Кстати туда едет до осени «по русской линии» для чтения лекций А.В. Карташев, мы об этом узнали уже как о совершившемся факте, отъезд — послезавтра. А. Вл. просил Вам напомнить нашу общую просьбу, которая, надеюсь, будет соответствовать и Вашему собственному желанию, при встрече с арх. Хризостомом поддержать вчтую²⁶ А.В. просьбу относительно устройства в альтернаты Вадима Дубревского, на предмет сближения с греческим востоком. Алевизатос был обещан для к<онферен>ции, но не явился. Вообще греков не было (да они и в разезде). Зато произошла заметная балканизация, с прот. Пентивеску, секретарем рум. синода, во главе. Есть хорошие ребята. Боюсь, что Веллас (я его помню) никого в Академии не застанет, если посетит ее теперь. Боюсь, не постигло бы это письмо судьба предыдущего с Вашим переездом на Афон (там был в прошлом году о. Алексей бельг., восхищается).

Обнимаю Вас, привет от нас Кс. Ив.
Ваш пр. С.Б.

²⁶ От «вчинать» — начинать. — М.К.

Приложение

[Г. Флоровский, С. Четвериков]

Особое мнение

[по делу прот. С. Булгакова. 1937]²⁷

Доклад большинства членов Комиссии, назначенной для рассмотрения трудов прот. С. Булгакова мы считаем неприемлемым...

1. Богословские мнения о. Булгакова, как таковые, вызывают большие опасения независимо от обвинений, предъявленных ему в «Определении» Карловацкого Синода. В докладе большинства членов Комиссии они не отмечены. Доклад этот производит впечатление, что все в порядке и не о чем беспокоиться.

2. Однако в своих трудах о. Булгаков не только излагает особое учение о Софии, Божественной Премудрости, но также пытается перестроить на основании своего учения всю систему православного богословия. Поступая так, — что также признается докладом большинства Комиссии — он несомненно уклоняется от «обычного» толкования Церкви, учения Отцов и литургической традиции. При таком состоянии вещей каждый православный человек, естественно, задает себе вопрос: должен он оставаться в основном русле общего отеческого учения или следовать о. Булгакову? Правда, о. Булгаков старается установить или согласовать свое учение с доказательствами предания. Однако в его учении о Софии его ссылки на предание не

²⁷ Публикуется по: *Игумен Геннадий Эйкалович*. Дело прот. Сергия Булгакова (Историческая канва спора о Софии). Приложение 2-е. Сан-Франциско. 1980. С. 36–38. Обратный перевод с английского. Републикация А. Резниченко.

кажутся удовлетворительными. Основной библейский текст — Притч. 8, начиная с ап. Павла, 1 Кор. 1:24; Колосс. 1:15) всегда относился церковью ко второму лицу Св. Троицы, Богу Сыну. И в данном случае мы имеем дело не с отдельными Отцами, но с «consensus patrum», обладающем высокой степенью авторитетности в делах веры.

Попытка смягчить расхождение мнений между о. С. Булгаковым и главным течением святоотеческого учения путем ссылки на факт, что в патристической литературе существует и иное мнение, не может быть принята в качестве убедительной. Во-вторых, это «другое» мнение, которое относит Притч. 8:22 к ипостаси Св. Духа, никаким образом не совпадает с учением о. Булгакова. Во-вторых, это мнение выражается в самую раннюю эпоху христианского богословия (II и III век), когда общее вероучение Церкви еще не было определено окончательно. Начиная с IV века все Отцы Церкви единогласно относят текст Притч. 8 к Богу Сыну. Также далеко не убедительны ссылки о. Булгакова на литургическую и иконографическую практику, что было ясно установлено Комиссией...

3. Свобода «личного мнения» в богословии ограничена, во всяком случае, согласием Церкви. И расхождение мнений между отдельным богословом и Церковью не уменьшается оттого, что он представляет это расхождение, ссылаясь на «личное мнение». Когда богослов выражает определенную мысль в качестве его «личного мнения», то он делает это только потому, что убежден в истинности своего мнения. Отсюда следует, что его «личное мнение» предположительно притязует на истинность, и как таковое подлежит рассмотрению. Истина есть всегда истина, даже в качестве «личной». Иногда возможно оказать отдельному богослову снисхождение в том случае, если его «личные мнения» отклоняются от «обычного» вероучения Церкви, но именно в этих случаях необходимо объяснить ему существенные недостатки его «личных» мнений.

4. Комиссия ограничилась опровержением обвинения в гностицизме, направленного против о. Булгакова в связи с его учением о Софии, которая рассматривается в качестве некой живой сущности Бога... Этим учением о. Булгаков дает основания для обвинения в введении четвертой ипостаси в сущность Бога. Даже если этот упрек не оправдан, вина в этом лежит на о. Булгакове из-за туманности его учения о божественной Софии.

Целый ряд других обвинений, представленных в «Определении», остались без рассмотрения и ответа, тогда как объяснения самого о. Булгакова в его «ответе» несомненно недостаточны.

5. В связи с осуждением о. Булгакова наши церковные круги обнаружили непонимание основных начал веры и жизни церкви. Одним любое определение церковных властей по отношению к богословам кажется недопустимым, так как принимается ими за попытку удушения мысли и угашения духа. Это означало бы, что в церкви нет никакого авторитета и что любое новое всегда лучше старого...

Несомненно, что осуждение о. Булгакова в Москве и Карловцах было поспешным и преждевременным, произнесенным без тщательного и детального расследования, а также без предоставления голоса обвиненному. Тем не менее следует отметить, что независимо от какого-либо осуждения имеются причины для того, чтобы иметь опасения и смущения по поводу взглядов о. Булгакова не только потому, что они расходятся с церковным преданием, но и потому, что они дают повод к всякому роду безответственных дискуссий относительно догматов веры, разлагающих православное сознание. Мы считаем необходимым, чтобы богословские мнения о. Булгакова были всецело и внимательно рассмотрены для того, чтобы найти путь для авторитетного определения церковной власти по этому делу.

Г. Флоровский, С. Четвериков. 6. VII. 1937.